

Дань Чжэ и Хуай Линь: «...»

— Ты... с какой стати?!

Кто-то, крайне недовольный, снова встал и бросился на Лу Синчжао.

Послышались звуки возни и ударов.

Стратегия Лу Синчжао была проста: бить! Бить до полусмерти! А если не насмерть — то продолжать бить до полусмерти!

Прошла очередная волна душераздирающих звуков ударов ногами и кулаками.

Земля была усеяна стонущими и охающими людьми. Лу Синчжао спросил:

— Кто не согласен? Встать!

Никто не осмелился встать, и тогда Лу Синчжао сказал:

— Кто не встанет, завтра останется без еды!

Никто не встал.

— Прекрасно, — холодно произнёс Лу Синчжао.

Затем раздался щелчок, автомат неизвестно куда направился, и несколько секунд слышалась трескучая очередь.

Люди на земле, охваченные ужасом, с воплями «а-а-а-а» вскочили на ноги.

Лу Синчжао с довольным видом схватил тех, кто поднялся...

И снова прокатилась волна душераздирающих ударов — теперь даже стоны стали тише.

Лу Синчжао, словно злой демон из другого мира, холодно стоял на возвышении и спросил:

— Все, блядь, сдались?

Один за другим раздались голоса:

— Сдались, сдались, брат, ты наш старший брат...

Лу Синчжао безучастно сказал:

— Ветер слишком сильный, не расслышал!

И снова... бах-бах-бах, шум-гам.

Через полчаса здоровые мужики плакали, словно маленькие девочки, и всхлипывая, хором закричали:

— Сдались! Сдались!

Лу Синчжао:

— Ветер слишком сильный...

— Вы наш родной брат! Я правда сдался, у-у-у...

Лу Синчжао:

— У тебя глотка что ли такая большая, напугать кого хочешь?

Бандиты: «...» Дедушка! Что тебе вообще надо? QWQ?

Лу Синчжао подумал и сказал:

— Ладно. Хуай Линь ещё хочет вас использовать. Ступайте, намажьтесь лекарствами. Через час всем собраться здесь!

Хуай Линь, таща за собой Дань Чжэ, украдкой высунул голову, чтобы посмотреть, что происходит снаружи. Везде царило запустение, трупы валялись по всей земле... Бедные бандиты, хромая и поддерживая друг друга, разбрелись.

Лу Синчжао мимоходом подхватил лежавшего рядом старшего Гао, схватил его за воротник и повесил на сломанный сук:

— Не притворяйся мёртвым, я знаю, что ты в сознании.

Правая рука старшего Гао была сломана, и он не мог самостоятельно слезть с дерева, так и остался висеть. Услышав эти слова, он открыл глаза и сказал:

— Ты... у тебя кулаки больше, ты крутой.

Он тяжело дышал и как раз увидел, как Хуай Линь и Дань Чжэ выскользнули наружу.

Старший Гао хотел было бросить пару угрожающих фраз — проиграть в бою, но не проиграть в духе, — как вдруг заметил, что Хуай Линь дёргает Дань Чжэ за рукав.

Хуай Линь, боясь, что Лу Синчжао услышит, специально понизил голос и сказал:

— Время мести. Дань Чжэ-чжэ, как хочешь ему отомстить? Может, сначала проверим, сколько у него сантиметров? Если слишком много —отрежем до двух...

Дань Чжэ сказал:

— Разумно. Сначала снимем штаны.

Старший Гао: «...»

В общем, не успев вымолвить ни одной угрожающей фразы, старший Гао уже сдрейфил.

Лу Синчжао, одновременно смеясь и плача, обернулся, сделал серьёзное лицо и сказал:

— Я всё слышал.

Хуай Линь вздрогнул и зажал уши руками:

— Я ничего не слышал, ничего не говорил. Брат...

Лу Синчжао протянул руку и мягко положил ему на голову, вместе с торчащим вихром, и как следует растрепал:

— Такой маленький, а уже столько пакостей придумываешь. Если ещё раз услышу от тебя такое — проведу с тобой воспитательную беседу.

— Брат, я больше не буду. В следующий раз обещаю, что после моего восемнадцатилетия... — тихо ответил Хуай Линь.

Лу Синчжао не удержался от улыбки, обнял его за плечи и сказал:

— Пошли.

Хуай Линь поднял голову в недоумении:

— Куда пошли?

— Разве ты не просил Сахарный тростник снять с него штаны? Что, хочешь посмотреть? — поторопил его Лу Синчжао. — Нельзя смотреть. Брат пойдёт с тобой гулять.

— Ого, брат, ты же согласился... — Хуай Линь хотел было обернуться.

Но Лу Синчжао, толкая его вперёд, как большая собака, которая мягко подталкивает носом круглого хомячка, потихоньку увёл его далеко.

Оставив Дань Чжэ одного, который недобро смотрел на висящего на дереве старшего Гао и спросил:

— У тебя тут есть ножницы?

Старший Гао: «...»

Подул ветер, и старший Гао мерно раскачивался на суку, чувствуя себя весьма прохладно, до того прохладно, что в паху похолодело, а по спине побежал холодный пот. На лице едва не выступили две широченные полосы слёз.

Хуай Линь же был в приподнятом настроении и потащил Лу Синчжао смотреть машину, которую старший Гао пригнал.

Хотя в машине не было оружия, там было навалено много всякого барахла, больше всего — лапши быстрого приготовления и питьевой воды.

— Старшего Гао мне даже немного жаль... — Хуай Линь, одновременно командуя Лу Синчжао, который пересчитывал добро, не мог удержаться от смеха, — хотя сначала они пришли нас грабить, но в итоге все их труды пошли нам на пользу. Теперь у нас есть еда, вода, машину мне переделали, материалы для пороха собрали, и ещё десяток здоровых мужиков у нас в руках — Эй, брат, ты их сильно не покалечил?

Лу Синчжао как раз поднимал одной рукой бутылку с питьевой водой, проверяя её на вес, и, услышав вопрос, улыбнулся:

— Я знаю меру. Раньше, когда... ну, в общем, попадались горячие головы — сначала бил, а потом они становились смирными, привыкали к дисциплине. Брат в остальном не силён, но в этом — профи. Можешь не волноваться. Через пару дней они будут уметь и строиться, и докладывать.

Хуай Линь, услышав это, рассмеялся до слёз:

— Брат, у тебя и правда есть методы.

Он, пыхтя, тоже поднял одну бутылку с водой и повёл Лу Синчжао перетаскивать вещи в маленький микроавтобус.

Когда он опустил голову, чтобы посмотреть на эти бутылки с водой, то вдруг заметил, что на

них маркером сделана пометка — название какой-то гостиницы. Это название показалось ему знакомым.

Хуай Линь некоторое время смотрел на неё, а Лу Синчжао спросил:

— Что случилось? С водой проблемы?

— Нет, ничего... — Хуай Линь лишь на миг задумался, потом ответил рассеянно. — Просто вспомнил, что раньше прятался в этой гостинице какое-то время. Теперь, наверное... уже ничего. Все припасы старший Гао привёз, что там ещё может быть.

Чуть позже Хуай Линь наконец вспомнил, что хотел сделать.

Он хотел проверить, может ли Лу Синчжао материализовать взрывчатку, но его прервали. Сейчас дождь как раз закончился, время подходящее.

Хуай Линь вытащил одну бутылку с самодельной взрывчаткой, вырыл ямку в пустом месте, закопал её наполовину, вытянул длинный шнур — подготовка номер один была завершена.

Затем подготовка номер два:

Хуай Линь врал, не моргнув глазом, глядя прямо на стоящего рядом Лу Синчжао:

— Брат, смотри, в этой бутылке настоящая жидкая взрывчатка, сверхвысокой чистоты. Одна такая по мощности равна ста граммам тротила. Когда я буду поджигать, ты должен меня защитить.

Говоря это, он сам пододвинулся поближе.

Лу Синчжао, надёжный как скала, стоял рядом с видом «Опять капризничаешь, ну что с тобой делать», и ответил:

— Пока я здесь, я ни за что не дам тебе пострадать.

Сердце Хуай Линя ёкнуло. Он снова вспомнил того Лу Синчжао, который сказал в метель: «Ради тебя я могу сделать всё».

От этого Хуай Линь невольно застеснялся, спрятался за спину Лу Синчжао, чтобы тот не видел его лица, и украдкой сказал:

— Тогда я поджигаю...

Порох был закопан в землю, что уже должно было ослабить часть силы взрыва. После

детонации вверх взметнулись комья земли и осколки стекла.

Радиус взрыва был меньше метра — обычная мощность такой полубутылки чёрного пороха. Но она была далека от эквивалентной мощности при тротиле.

Хуай Линь удивлённо хмыкнул и подумал про себя: «В чём дело? Способность Лу Синчжао не сработала. Взрывчатка осталась прежней...»

Он погрузился в раздумья.

Но Лу Синчжао решил, что это была неудачная попытка, и утешил его:

— Хуай Линь, ничего страшного. Взрывчатку вообще делать трудно. Мы продолжим пробовать.

Продолжать, конечно, было необходимо.

Хуай Линь просто пока не мог понять, почему Лу Синчжао смог создать из воздуха порох для патронов, но не смог повлиять на вещество во взрывчатке... В чём же разница?

Он задумчиво, держа под мышкой по оставшейся бутылке, словно маленький утёнок, переваливаясь, шёл за Лу Синчжао.

Лу Синчжао, боясь, что тот расстроился из-за неудачи, вытащил из кармана конфету и незаметно сунул её в карман Хуай Линю. Потом он повёл своего утёнка обратно в дом.

Когда они вернулись, Дань Чжэ уже преспокойно сидел и изучал разложенные на столе электронные компоненты.

Хуай Линь с любопытством спросил:

— Дань Чжэ, ты что, перестал развлекаться со старшим Гао?

Дань Чжэ холодно усмехнулся:

— Старший Гао? Даже перед смертью дурью мается. Я полоснул его по руке, пусть пока повисит там, проветрится...

Хуай Линь, улыбаясь, спросил:

— Кстати, а почему ты его тоже называешь старшим? Ты что, раньше был... ну, его младшим братом?

Дань Чжэ выглядел ошеломлённым, но через мгновение сказал:

— Этого парня зовут Гао, и фамилия у него Гао, а зовут Старший. Ты что, ещё не знаешь?

Хуай Линь: «...» Вот это да, удобное имечко.

— Он просто болван. Это имя он сам себе придумал, — с негодованием сказал Дань Чжэ. — Целыми днями только и знает, что бить баклуши да с собаками гонять. Сам неуч, да ещё и учёных презирает. Пока ему урок не преподашь, так и будет знать не знать...

Хуай Линь протянул «Ну», сел напротив Дань Чжэ, склонил голову набок, некоторое время изучая выражение его лица, а потом вдруг сказал:

— Дань Чжэ, ты что, не знаешь про такой эксперимент? Когда человеку, который не видит своей раны, говорят, что перерезали артерию, он психологически ощущает смерть и умирает по-настоящему... У старшего Гао рука сломана, он, наверное, не увидит, в каком состоянии его рана. Как думаешь, он тоже так умрёт?

Дань Чжэ замер, поднял голову и спросил:

— Что ты сказал?

На самом деле старший Гао провисел недолго. Кровопотеря была далека от того уровня, который мог бы вызвать предсмертные галлюцинации. Хуай Линь просто со злой усмешкой напомнил об этом и задумчиво проследил взглядом за Дань Чжэ, который, бросив инструменты, выбежал на улицу.

— Забавные эти двое... — тихонько рассмеялся Хуай Линь.

Лу Синчжао перешагнул через лавку и сел на неё, спокойно листая разложенные на столе бумаги.

Если честно, за столько дней общения с Хуай Линем он уже был невозмутим, как скала. Он привык к тому, что его обижают, и свyksя с мыслью, что у Хуай Линя иногда просыпается маленький чёртик.

Сейчас он совершенно спокойно ответил:

— Ты хочешь прихватить с собой и старшего Гао?

— Вообще-то, мне всё равно, — улыбнулся Хуай Линь. — Посмотрим, что скажет маленький Сахарный тростничок.

Подумав, он тихо добавил:

— Брат, только ты не говори Дань Чжэ, что я тоже называю его «Сахарным тростничком».

Лу Синчжао хмыкнул и серьёзно сказал:

— Обещаю не говорить. На самом деле я тоже про себя называю его «Сахарным тростничком»...

В это время Сахарный тростничок... то есть Дань Чжэ, уже подошёл к старшему Гао.

Старший Гао висел на ветру, словно вяленая свиная грудинка. Рана на запястье, поскольку была неглубокой, уже начала затягиваться.

Зато крови натекло порядочно, что выглядело довольно жутко.

Дань Чжэ, с мрачным лицом, стоял перед ним и слышал, как старший Гао прерывисто говорит:

— Эй, Сахарный тростничок... Когда старик помрёт... отпустишь наших братьев. Столько лет за мной ходили... тоже нелегко...

Дань Чжэ холодно спросил:

— Предсмертное завещание оставляешь?

— Когда человек при смерти... то се... — проговорил старший Гао, — у меня перед смертью ещё... последний вопрос, кхе-кхе!

Дань Чжэ огляделся по сторонам, поднял с земли палку и, не глядя, примерился к сломанной руке старшего Гао, самовольно решив её вправить.

Старший Гао побледнел от дикой боли, его лицо исказилось, но он, стиснув зубы, продолжил:

— Ты тогда почему... с какой стати ты меня презирал! Учёба — это круто, да? Из-за учёбы можно было полгода с человеком не разговаривать, десять лет не возвращаться, даже весточки не прислать?!

Дань Чжэ холодно усмехнулся, достал бинт и, не говоря ни слова, начал бинтовать его руку.

В глазах старшего Гао потемнело, он едва не отправился к праотцам.

И тут он услышал голос Дань Чжэ:

— За два дня до начала учёбы я пошёл к твоему чёртову батьке, бил ему челом, умолял, чтобы он дал тебе учиться. А он забрал деньги да ещё и ноги мне переломал. Я провалялся в больнице два месяца, заработал психологическую травму и полгода в деревне не появлялся. Какого чёрта я мог тебе что-то объяснить, объясняй!

Старший Гао: «...»

Дань Чжэ яростно затянул узел из бинта:

— Медицине никто не обучен, так что я мог дать тебе только палку. Повезёт — руку сохранишь, не повезёт — потеряешь. В наше время повезёт — выживешь, не повезёт — так тому и быть!

Старший Гао тяжело дышал, силой проглатывая горячий ком в горле. Лишь спустя долгое время он снова, с хулиганскими нотками в голосе, сказал:

— Если старик сдохнет, тебе придётся бегать по десять кэ... каждый день по десять кэ, только не ленись! Дочитался до того, что стал слабаком, это ты сдохнешь...

Не успев закончить свою брань, он вдруг почувствовал, что Дань Чжэ стягивает с него штаны.

Тон старшего Гао мгновенно изменился:

— Эй-эй, Сахарный тростничок, ты чего задумал? Я тебя предупреждаю, ты это...

Но Дань Чжэ просто так, между делом, стянул с него штаны и едко заметил:

— И это ты называешь восемнадцатью сантиметрами? Наверное, ты ещё свой семнадцатисантиметровый мочевого пузырь приплюсовал.

Он, с пренебрежением, ушёл.

Старший Гао, болтаясь на ветру, рыдал:

— Верни мне штаны! Штаны! Штаны!

Через некоторое время старший Гао замолчал. Его младшие братья, следуя приказу Лу Синчжао, через час вернулись и собрались.

У всех были разбиты лица и синяки. Было непонятно, кому досталось сильнее — им или висящему на дереве старшему Гао.

... Наверное, старшему Гао всё-таки досталось больше: его младшие братья стали свидетелями того, как он голышом «выгуливает птичку».

Старый Шестой, с трагическим видом, заткнув обе ноздри бумажными тампонами, сказал гнусаво:

— Может, сначала снимем старшего...

Не успел он договорить, как из соседней комнаты вышел Лу Синчжао.

В тот же миг на площадке воцарилась мёртвая тишина. Все стояли, дрожа от страха, как маленькие цыплята, обречённые на заклание, под взглядом крокодила.

Лу Синчжао заложил руки за спину, бесстрастно расставил ноги и холодно произнёс:

— Всем смирно!

Бандиты, стиснув зубы, замерли по стойке смирно.

Лу Синчжао прошёлся слева направо и остановился перед одним из них.

— Ты что, не умеешь строиться в шеренгу? Так криво стоишь, жить надоело? — закончив, он пнул одного из бандитов так, что тот пролетел два метра и шлёпнулся лицом вниз, не шевелясь.

Все замерли в ужасе, а висящий на дереве старший Гао тоже сильно вздрогнул.

Лу Синчжао повернулся и сказал:

— С этого момента вашу подготовку буду проводить я. А тот, кто только что вышел из строя, пусть бежит двадцать кругов!

От его резкого крика все дружно вздрогнули. Тот, кто лежал на земле, притворяясь мёртвым, с плачем поднялся и начал наматывать круги.

Несколько часов спустя Лу Синчжао бежал впереди с каменным лицом, а за ним, запыхаясь, едва не падая замертво, бежала вереница бандитов.

Хуай Линь и Дань Чжэ, каждый с леденцом в зубах, вышли из корпуса базовой станции, болтая и смеясь, и как раз увидели эту картину.

Хуай Линь издали крикнул:

— Брат, вы чего всё ещё бегаετε?

Лу Синчжао в мгновение ока подбежал к нему. Он был слегка вспотевшим и ответил:

— Да недолго бегали. Эх, раны только зажили, всё тело не на месте. Пробежал несколько километров, а всё равно тяжело. Сейчас я заставляю этих слабаков попрыгать лягушками, а потом отправлю отдыхать.

Хуай Линь подумал: «Ты же теперь мутант, бегаешь как Марио! Если ты хочешь устать, тебе придётся бежать до скончания веков!»

Подумав, он сказал:

— Брат, ты пока не бегай. У нас тут другое дело.

Лу Синчжао вопросительно посмотрел на него.

Хуай Линь с серьёзным лицом указал на небо:

— Ты видишь? Солнце только что село. Как думаешь, сколько сейчас времени? — Он взглянул на часы. — Сейчас по Пекину: 27 декабря, 14:05.

Это был первый закат со второго дня, когда Лу Синчжао впал в кому.

То есть 26 декабря вообще не было заката, а рассвело 25-го утром, и темнело только к 27-му днём.

Хуай Линь сказал:

— Сейчас стемнело, брат. Как думаешь, сколько времени пройдёт, пока снова рассветёт?

Лу Синчжао долго думал, потом выдохнул и спросил:

— Хуай Линь, ты... что-то знаешь?

Конечно, Хуай Линь кое-что знал. С самого первого дня он знал, что будет дальше. Но он всё никак не мог придумать, как это объяснить. Да и сам не понимал, в чём дело.

У Хуай Линя не было способностей, и всё происходящее он мог только предполагать. Первое: возможно, он переродился. Второе: ему приснился вещий сон. Третье: всё это галлюцинации, и реальность не следует этому сценарию. Четвёртое: он ни с того ни с сего получил память с большим объёмом информации.

Хуай Линь всё это время ломал голову, как убедить Лу Синчжао поверить в эту информацию, и теперь он, кажется, нашёл способ.

Хуай Линь взял в руки телефон, который держал, и помахал им перед глазами Лу Синчжао:

— Брат, смотри, Дань Чжэ только что сделал. Телефон ловит сигнал. В интернете довольно много информации. То, что стемнело, заметил не я, об этом кто-то только что сообщил...

У этой дешёвой, по сути, бракованной трубки наконец-то появился сигнал, и даже интернет заработал.

Дань Чжэ и Хуай Линь сначала попытались дозвониться до других мобильных телефонов, но из десяти номеров девять не отвечали. Это означало, что по крайней мере в этой стране связь была в основном нарушена. Потом они зашли в интернет.

К тому времени все новостные сайты, форумы, личные блоги пришли в полный упадок. С первого же дня, когда началась вспышка зомби-апокалипсиса, число просмотров и публикаций упало с обрыва. На многих личных страницах появились записи, не имеющие особого смысла.

Как и следовало ожидать, судя по всему, что знал Хуай Линь, у большинства людей перед смертью был примерно такой путь:

Сомнение: «Да ну, бред! Зомби-апокалипсис? Ну ни фиги себе, эти штуки из сериалов стали реальностью. Это точно сон!»

Гнев: «Это правда?! Как такое возможно?! Что делает правительство?! Что делают военные?! Почему нас не предупредили?!»

Мольба: «Умоляю, помогите мне! Я в таком-то месте... Можете хотя бы воды дать? Я просто хочу выжить. Я хочу увидеть папу...»

Отчаяние: «Земля обречена! Все люди сдохли, сдохли, сдохли, сдохли, сдохли!!!»

И наконец, смирение: «Я оставил кое-какие припасы в [таком-то месте]. Кому нужно, может взять. Мне осталось недолго. Раньше я ничего не делал, чтобы отплатить родителям или принести пользу обществу. Теперь, наверное, уже поздно. Простите. Спасибо. Папа, мама, я люблю вас.»

Кроме того, в крупнейшей социальной сети сейчас самым популярным было сообщение от официального аккаунта. Изначально этот аккаунт принадлежал какому-то мелкому полицейскому участку, но теперь, похоже, им завладел кто-то другой.

<http://bllate.org/book/18707/1808018>